

**Росинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»**

**Джон Голсуорси: Почему я не могу жить, как все?
Литературное расследование к ...-летию юбилею Джона Голсуорси,
английского прозаика и драматурга,
автора знаменитого цикла «Сага о Форсайтах»,
лауреата Нобелевской премии по литературе 1933 года.**

«Чтобы узнать вкус пудинга, надо его съесть», - гласит английская пословица. Что она означает?

Только ли в океанах бывают кораблекрушения? И может ли случиться скандал в благородном семействе?

... Известно, что истинного английского джентльмена отличает неукоснительная сдержанность манер и поведения. Настоящему англичанину не пристало навязывать кому бы ни было свои чувства и переживания. Это такой же дурной тон, как демонстрация семейных фотографий.

Почему же **Джон Голсуорси** (14.08.1867- 31.01.1933), джентльмен в четвертом поколении, представитель достойного респектабельного семейства, забыл о «неукоснительной сдержанности» и вместо светской беседы обо всем и ни о чем, которую надлежало вести с замужней молодой леди, рассказывал **Аде Голсуорси**, жене своего кузена, все больше о себе?

Зачем она, **Ада Купер**, вышла замуж за майора **Артура Голсуорси**? И что означала фраза, сказанная девушке ее матерью: «Из-за твоих капризов я в конце концов окажусь в долговое тюрьме!».

Кем была для писателя Джона Голсуорси Ада Голсуорси, женщина, прошедшая с ним весь путь - от первой публикации, которую он сам назвал «книжонкой», до знаменитой «**Саги о Форсайтах**», мировой славы и Нобелевской премии?

Почему вообще Джон, окончив Оксфорд, не стал заниматься юриспруденцией? Что подтолкнуло его к писательству?

Почему многие годы он находился в плену одной и той же житейской коллизии? В разных обликах, в разных сюжетных поворотах она снова и снова возрождалась под его пером: трагический треугольник - негодяй - муж, несчастный любовник, глубоко страдающая женщина и невозможность изменить судьбу в мире, где царит культ благопристойности. Почему так происходило?

Какую роль в его судьбе Джона Голсуорси сыграла **Маргарет Моррис**?

... Известно, что после смерти Голсуорси общество английских писателей просило о погребении его праха в Уголке Поэтов Вестминстерского аббатства, где покоятся литературные знаменитости. Но настоятель аббатства не считал возможным поддержать это ходатайство, и прах писателя был развеян на вершине холма, вдали от проезжей дороги. Что лежало в основе такого поступка церковнослужителя?

Вот на все эти вопросы мы вместе с читателями библиотеки «**Фолиант**» **МБУК ТБК** и активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»** попытаемся ответить в ходе небольшого литературного расследования в связи со 145-летием со дня рождения Джона Голсуорси, английского прозаика и драматурга.

Соответствуя кодексу джентльмена

Представьте себе незапамятные времена, лондонский Гайд-парк, по дорожкам которого медленно идут двое. Молодую женщину, пожалуй, можно назвать красавицей. Особенно хороши черные глаза, излучающие какой-то удивительный свет. Лицо ее

спутника, открытое, приятное, с упрямым подбородком и твердо очерченным ртом, покрыто густым, явно не лондонским загаром. Он безупречно элегантен, его монокль на широкой черной ленте - последний крик лондонской моды.

Джон Голсуорси недавно вернулся из долгого путешествия, отсюда и загар. Отпрысков его круга и достатка родители отправляют после окончания учебы в традиционный круиз по Европе. Но молодого Джона манили дальние страны, и он поехал в Австралию, потом в Новую Зеландию, а затем на тихоокеанские острова.

Его отец, Джон Голсуорси-старший, не возражал против столь необычного маршрута. Что ж, пусть мальчик, как следует отдохнет там, где ему хочется, а потом целиком посвятит себя юриспруденции, достойному и солидному занятию. Длительное путешествие, можно надеяться, излечит его от крайне нежелательного увлечения **Сибиллой** - дочкой учительницы музыки.

Увлечение, которое так не одобрял Джон Голсуорси-старший, прошло как-то само собой. Во-первых, Сибилла не отвечала молодому Джону взаимностью. Во-вторых, незадолго до того как отправиться в путешествие, Джон-младший в первый раз увидел **Аду**. Это случилось на ее бракосочетании с **Артуром Голсуорси**. Молодой Джон присутствовал на нем в качестве родственника.

Многочисленные Голсуорси недоумевали: что нашла эта молчаливая грустная красавица в своем избраннике? У Артура была репутация пустейшего малого - ни соответствующего его фамилии образования, ни профессии, ни достойных занятий. За неимением всего этого «пустейший малый» в конце концов поступил в отнюдь не элитные, нерегулярны войска, где и дослужился до майора.

Вскоре молодой Джон уехал путешествовать, а когда вернулся, оказалось, что Ада Голсуорси подружилась с его сестрами и часто бывает у них в доме. Своих сестер, **Лилиан** и **Мейбл**, молодой Джон нежно любил. Девушки выделялись среди сверстниц начитанностью и известной смелостью суждений.

Именно от сестер Джон услышал, что их новая подруга - умница, интересный собеседник и великолепная музыкантша, - скорее всего, несчастна в браке, и у них есть все основания подозревать, что кузен Артур - грубое животное. Обе они твердо убеждены: если бы не пошлые предрассудки, сковывающие английское общество, от такого мужлана надо бы бежать без оглядки.

Как-то само собой получилось, что компания молодых людей, собиравшаяся у сестер Голсуорси, во время прогулок распадалась на пары. И Ада, часто навещавшая Лилиан и Мейбл, большую часть времени стала проводить с молодым Джоном.

До встречи с Адой он свято следовал неписаному джентльменскому кодексу, где среди прочего (определенная манера одеваться, занятия спортом, членство в респектабельном клубе) недвусмысленно значилось: истинного джентльмена отличает неукоснительная сдержанность манер и поведения.

Но начались их прогулки в Гайд-парке, и молодой Джон очень скоро забыл о «неукоснительной сдержанности». Вместо светской беседы обо всем и ни о чем, которую, согласно тому же джентльменскому кодексу, надлежало вести с замужней молодой леди, он принялся говорить о себе.

Молодой Джон находился на распутье. Джон Голсуорси-старший твердо рассчитывал, что сын, досконально изучив юриспруденцию, когда-нибудь заменит его на посту главы семейных предприятий. Только от одной мысли об этом на сына нападала тоска... Но если не традиционное, дедовское и отцовское, то где его место в этой жизни?

Какой род занятий избрать, кем стать? В какой-то момент ему показалось, что ответ на этот мучивший его вопрос может помочь найти Ада Голсуорси - чужая жена.

Что мне делать со всем этим?

- *Хорошо бы для начала понять, -* говорил молодой Джон Аде, - *почему я*

не могу жить как все, упиваясь своей респектабельностью и отдавая силы семейному делу, как мои многочисленные родственники? В конце концов, все Голсуорси, и я в том числе, плоды одного и того родословного древа.

Ада слушала внимательно, похоже, ей было интересно.

- Оно очень большое и ветвистое, - продолжал Джон, - забавно, но я мог бы называться среди родни не молодым Джоном, а Джоном четвертым, по числу сменившихся поколений Голсуорси, среди которых непременно оказывался очередной Джон.

Разговор незаметно перешел с родового древа вообще на предков «очередного Джона», в частности. Может быть, обратившись к жизни своих дедов и прадедов, он найдет ответ хотя бы на один из мучивших его вопросов?

...Они кружили и кружили по бесчисленным дорожкам парка. Джон рассказывал, Ада слушала. Поначалу речь зашла о Голсуорси первом. Тот был фермером, соседи называли его Большой Голсуорси, потому что он владел самым большим наделом земли в родных краях. Известно, что, покинув свою деревню, тот перебрался в Лондон, где занялся коммерцией и весьма преуспел. Партнеры говорили о нем: *«человек упорный и не очень стеснительный»*. Трудно сказать, чего было больше в такой оценке - одобрения или порицания.

- Да, последнее можно понимать двояко, - продолжил свой рассказ молодой Джон. - Предполагаю, что мой предок, стремясь разбогатеть, не стеснялся в средствах и превыше всего ценил осязаемую практическую выгоду, а все остальное для него было делом второстепенным и малозначимым. И, знаете, все последующие поколения нашего семейства, за редким исключением, следовали тому же незыблемому принципу.

- Но ведь вы не такой, Джон?

- Надеюсь. Должен сказать, что уже мой отец не такой. Парадокс - возглавляя несколько процветающих промышленных компаний, он умеет ценить многое из того, что не приносит осязаемой прибыли. Например, красоту во всем: живописи, музыке, природе. Это унаследовал и я. Только вот не знаю, что мне делать со всем этим?

Листая страницы жизни

...Шло время. В Гайд-парке одни цветы, прожив отпущенный им недолгий срок, сменялись другими, а Джон и Ада по-прежнему бывали здесь. И по-прежнему он больше говорил, а она слушала. Чтобы ответить на вопрос: «Кто я?», заданный прежде всего самому себе, он словно читал вслух книгу своей жизни.

Страницу за страницей.

...Детство, родительский дом в предместье Лондона. Джон-старший перевез сюда из столицы свое семейство, чтобы, как он часто говаривал, *«у детей бы вдоволь свежего воздуха, парного молока и всех для них возвращенных плодов земли»*.

- Кругом была такая благодать, - вспоминал молодой Джон. - Вечерами, когда отец возвращался из офиса, он с нами, детьми, неспешно обходил владения, учил нас видеть красоту, старался, чтобы мы обращали внимание на жаворонков, взлетающих прямо из-под ног, на голубей, которые ворковали, спрятавшись в зарослях...

Страница перевернута.

Джонни - девять лет. И он начинает постигать премудрости латыни и древнегреческого в Харроу - привилегированной аристократической школе.

- С Харроу у меня связано, - говорил молодой Джон, - несколько счастливых, но в смысле получения образования страшных лет... Теперь я понимаю, что юношей учить трудно, потому что главная забота - ничему не учиться. И все же... Беда в том, что нас натаскивали, а не учили. Склонность к самостоятельному мышлению, воображение не поощрялись.

Следующая страница: Джон Голсуорси - студент.

- Это время запомнилось разнообразнейшими хитроумными уловками, которые мы с моими однокашниками изобретали, чтобы увильнуть от занятий. И все же годы учения дали мне немало. Грех жаловаться...

Ну, а за пределами Оксфорда я существовал, как и прочие молодые люди нашего круга: охота, скачки, верховая езда. Ах да, еще карты...

Можете себе представить, однажды я проигрался в пух и прах, спустив за ночь все наличные деньги, часы с цепочкой, булавку от галстука, кольцо с печаткой. Но игроком, на радость отцу, не стал. Что же до остального...

Все это мало-помалу стало надоедать, пока в один прекрасный день я не понял: занятиями, приличествующими джентльмену, жизнь не заполнить.

Джон замолчал и молчал, пожалуй, дольше, чем позволяли приличия. Наконец Ада спросила: «А дальше? Ваше путешествие хотя бы немного разнообразило вашу жизнь?»

- На какое-то время - да, пожалуй. Я познакомился с удивительным человеком. Он был первым помощником капитана на клипере «Торранс». Мне повезло - я плыл до Кейптауна в его обществе целых пятьдесят шесть дней. Человек этот (его зовут **Юзеф Теодор Конрад Коженёвский**) - опытный моряк, прекрасно образован, знает несколько языков.

Но главное, что меня в нем поразило, он собирается заняться литературой. У него уже готова первая повесть. Подписал ее для краткости на английский манер - Джозеф Конрад. Повесть замечательная. А какой он рассказчик!

Джозеф Конрад, впоследствии ставший известным автором многих приключенческих романов, будет верным другом Джона Голсуорси и первым ценителем его литературных опытов. Но до этого еще далеко. Пока молодой Джон бродит с Адой по дорожкам Гайд-парка и не устает петь дифирамбы своему новому знакомому.

А вы почему не пишете?

Ада перебила его неожиданным вопросом:

- Джон, а вы почему не пишете?

- Я? Как вы догадались? Я, кажется, ни единым словом...

- Догадалась? О чем?

- О том, что я давно думаю об этом. Но, во-первых, нужен талант...

- Вы такой великолепный рассказчик. По-моему, вы прямо созданы для этого.

- Ада... Если даже предположить, что я обладаю кое-какими способностями, этого мало. Джозеф двадцать лет плавал по морям. Представляете, какой у него запас впечатлений? А я? О чем мне писать? О семействе Голсуорси, о своих дядюшках и тетушках? У нас же ровным счетом ничего не происходит.

- В самом деле? Вы считаете, что кораблекрушения бывают только в океанах? - Голос Ады дрогнул. - Что, человеческая жизнь не может превратиться в обломки и пойти ко дну в достойном респектабельном семействе?

С прогулки они возвращались молча. Каждому было, о чем подумать. А точнее - думали они друг о друге.

Из-за твоих капризов я окажусь в долговой тюрьме!

Глубокой ночью Ада Голсуорси стояла у открытого окна, вцепившись в подоконник, и все крепче стискивала зубы, чтобы не закричать в голос. За ее спиной на супружеском ложе громко храпел Артур Голсуорси. А она все повторяла и повторяла про себя: «Как я могла?» И еще: «А что я могла?»

Действительно, что? Мать Ады, миссис **Купер**, была весьма своеобразной женщиной. Поскольку их с дочерью никак нельзя было назвать людьми состоятельными, все свои надежды и чаяния она возлагала на удачное замужество Ады.

Жизнь они вели по меньшей мере странную. Ада о многом догадывалась, хотя миссис Купер предпочитала не делиться с ней тем, что происходило в их маленьком семействе. Скорее всего, мать Ады просто-напросто избегала платить по счетам. Как только долги мяснику, молочнику, булочнику достигали угрожающих размеров, она попросту меняла квартиру. За три года, переезжая с места на место, они тридцать три раза обживали новое жилье.

Миссис Купер не уставала твердить дочери: *«Из-за твоих капризов я, в конце концов, окажусь в долговой тюрьме»*. Капризы Ады выражались в том, что она отказывала всем претендентам на ее руку и сердце.

Когда посватался Артур Голсуорси, миссис Купер решила, что с нее хватит. Она настояла, и Ада, поколебавшись, дала согласие на брак. Для нее это был акт отчаяния. А миссис Купер считала, что после долгих мытарств подвернулся, наконец, подходящий жених для дочери.

Конечно, предварительно миссис Купер навела необходимые справки и выяснила, что Артур Голсуорси - единственный сын очень богатого человека. Значит, вне всякого сомнения, впереди их ждет сказочное богатство. (Бедной женщине было невдомек, что Голсуорси отличаются завидным здоровьем и, долголетием.) И потому вероятность увидеть в скором времени получившего наследство зятя казалась ей очень близкой.

В преддверии семейного скандала

...Наконец случилось то, что должно было случиться. Во время одной из прогулок молодой Джон, до этого долго и подробно обсуждавший с Адой план своей первой будущей книги, вдруг остановился буквально на полуслове и заговорил совсем о другом. О том, кем она для него стала.

Когда он взглянул на Аду, понял: можно ни о чем не спрашивать. В старинных романах при подобном повороте сюжета писали: *«Ответ он прочел в ее глазах»*.

Теперь перед обоими с беспощадной ясностью встал вопрос: *«Что дальше?»* Причем каждому предстояло сделать свой собственный выбор.

Ада могла продолжать жить с ненавистным человеком и оставаться в глазах общества уважаемой замужней дамой или стать отверженной. Во всяком случае, до тех пор, пока они с Джоном не смогут стать мужем и женой. Значит, впереди бракоразводный процесс, что само по себе пахнет скандалом.

А Джон незадолго до этого объявил родителям, что хочет посвятить себя литературной деятельности. Разговор был нелегким, отец с трудом скрыл свое разочарование. Матушка же без обиняков заявила, что всегда мечтала видеть сына юристом или коммерсантом, а профессия писателя не представляется ей заслуживающей внимания.

Молодому Джону вспомнилось, что в свое время мать великого Диккенса сетовала, что ее сын не стал хозяином фабрики по производству ваксы.

А теперь он должен причинить им новое, стократ большее огорчение. Женщина, носящая фамилию Голсуорси, уйдет от мужа, чтобы жить с ним, за этим последует огласка, потом скандал. Пойти на это невозможно. Оставить все как есть - невыносимо. Нужно было принимать решение. И они его приняли.

Чтобы узнать вкус пудинга, надо его съесть

«Упрямая, строптивая дрянь! И где только были его глаза?»-отставной майор Артур Голсуорси давно не испытывал такой ярости.

Вот как выглядел его последний разговор с Адой:

...- Я требую, чтобы вы перестали делать из меня посмешище и немедленно вернулись домой.

- Неужели вы не понимаете, насколько это серьезно?
- Что «это»? Ваши шашни с моим кузеном?
- Все началось задолго до того, как в моей жизни появился Джон. Вы знаете, о чем

я.

- Ах, вон что! Признаю, иногда я бывал с вами грубоват, но...
- Грубоват? Вы - садист.

- Ну-ну, не надо преувеличивать. Я не садист. Просто в некоторых областях человеческих взаимоотношений я экспериментатор. Вам не понравилось? Жаль. Некоторые женщины обожают это... Предлагаю сделку: вы возвращаетесь домой, а я попытаюсь вас больше не огорчать. Мало того - прощу вам вашу интрижку.

- Я хочу получить развод.

- Так... Развод вы не получите. Надеетесь на безоблачную жизнь с вашим любовником? Напрасно. Слышали поговорку: чтобы узнать вкус пудинга, надо его съесть? Знаете, что вас ждет? Вы станете парией, отверженной, перед вами закроются двери всех до единого приличных домов. Вы готовы к этому?

-Да.

- Ну-ну... Сомневаюсь, что вас хватит надолго. Я готов какое-то время пожить соломенным вдовцом. Посмотрим, кому раньше надоест.

В конце концов «соломенный вдовец» устал ждать возвращения своей сбежавшей жены. И Ада получила развод... через десять лет. Через десять лет после того, как она ушла от мужа.

Ада и Джон стали открыто появляться вместе на людях: в театрах, в концертных залах, много путешествовали. Вокруг заговорили не только об «ужасающем скандале», но и об «открытом вызове приличиям». Все это вышло за рамки семейства Голсуорси и многоголосым эхом прокатилось далеко за его пределами.

Вот как в тот период звучали лондонские сплетни:

«Ни за что не догадаетесь, кого я видела вчера в театре. Двух новобрачных - молодого Джона и его супругу. Оба выглядели такими счастливыми. Впрочем, это естественно... После стольких лет... Забавно, что для вступления во второй брак миссис Аде Голсуорси не пришлось менять фамилию. Бессспорно, она очаровательная женщина, ее глаза сияют. Во времена первого замужества она всегда казалась такой грустной. Поговаривали, что тот брак был на редкость неудачным».

Для любого скандала и «открытого вызова приличиям» десять лет - слишком долгий срок. Скандал скандалом, но нельзя сказать, что эти десять лет Ада и Джон прожили в полной изоляции. Остались друзья, их было немного, но друзей, как известно, много и не бывает. Те, кто оказался рядом, по утверждению Голсуорси, поддерживали его веру в человечество.

И все же их любовь в это время была омрачена сознанием некоей безысходности, зависимости от чужой злой воли. Писатель Джон Голсуорси многие годы находился в плену одной и той же житейской коллизии. В разных обличьях, в иных сюжетных поворотах она будет снова и снова возрождаться под его пером. Трагический треугольник: негодяй муж, несчастный любовник, глубоко страдающая женщина и невозможность изменить судьбу в мире, где царит культ благопристойности.

Он много работает, очень много. Первые повести, первые рассказы беспомощны и многословны. Но рядом Ада - помощница, советчица, первый читатель и строгий критик. И так будет всегда. Она пройдет с ним весь путь - от первой публикации, которую он назовет «книжонкой», до знаменитой «Саги о Форсайтах», мировой славы и Нобелевской премии.

В истории останутся многие его высказывания. Например, такое:

«Русский человек, во многих отношениях чрезвычайно привлекательный, неспособен остановиться на чем-то определенном. Поэтому он всегда был и, думается, всегда будет жертвой той или иной бюрократии».

Или такое: «Русский характер - это непрерывные приливы и отливы, и чисто русское словечко «Ничего!» хорошо выражает фатализм этих нескончаемых колебаний. Для русского материальные ценности и принципы, за ними стоящие, значат слишком мало, а чувства и выражение их - слишком много».

Друзья говорили: Джон не просто любит жену, он ее боготворит.

Шли годы. Кажется, ничто не могло омрачить этот брак. Правда, детей у них не было. Третьим членом этой маленькой семьи считался смешной лохматый спаниель по кличке **Крис**. Супруги называли его «собакой нашей судьбы».

...Неторопливо текла налаженная спокойная жизнь. У писателя Джона Голсуорси была любимая женщина, любимое дело, уютный дом, верные слуги, солидные и незаметные, но обеспечивающие необходимый комфорт.

...Наверное, все это можно было назвать счастьем.

Кораблекрушение, которого не произошло

И вдруг появилась некая молодая особа и принялась раскачивать житейскую лодку.

Девушку звали **Маргарет Моррис**. Когда она встретила Голсуорси, ей было девятнадцать, ему - сорок четыре. Встреча произошла в театре «Савой», на премьере балета по опере Глюка «Орфей и Эвридика». На Голсуорси искусство молодой танцовщицы произвело столь сильное впечатление, что, пройдя за кулисы, он представился ей и осыпал ее комплиментами.

Дальше - больше. Джон, найдя маленькую танцовщицу милой и забавной, приглашает ее к вечернему чаю. За первым визитом следует второй, третий... Маргарет делает все возможное, чтобы подружиться с женой знаменитого писателя. И это ей удается. Танцовщица, будучи в восторге от своей новой подруги, от самого Голсуорси и от их дома, «такого артистического и элегантного», не скупится на комплименты.

К этому времени Джон Голсуорси - не только знаменитый прозаик, но и известнейший драматург. Ему кажется: Маргарет Моррис как нельзя лучше может сыграть главную роль в его пьесе «*Мимолетная греза*». Балерина в драматической роли? Это вызывает недоумение и разного рода опасения. Но Голсуорси настаивает и оказывается прав. Маргарет талантлива. Это он понял сразу.

Спектакль имеет оглушительный успех, и Голсуорси принимается за новую пьесу, где главная роль изначально предназначена для Маргарет. Теперь они видятся все чаще и чаще. Голсуорси убеждает себя, что это продиктовано совместной работой - и только.

Но однажды понимает: случилась беда - он влюбился в маленькую танцовщицу. Ну, а Маргарет? Она любит его - знаменитого писателя, очаровательного собеседника, красивого мужчину - и не думает это скрывать. Зачем? При поддержке «дорогого Джона» она делает блестящую карьеру. Вскоре у нее будет собственная студия танца в Париже. Финансирование этого проекта Голсуорси берет на себя.

Однако есть одно весьма существенное «но». Они до сих пор не любовники. Голсуорси ведет себя с ней, как влюбленный школьник, а это опасно. И Маргарет решает поторопить события. «Дорогого Джона» нужно любым способом окончательно привязать к себе.

Через несколько дней Голсуорси попросил ее о немедленном свидании с глазу на глаз. Вот оно! При встрече Маргарет бросилась ему на шею. Он отстранил ее:

- Маргарет, зачем вы сегодня приезжали к Аде?

- Повидаться.

- Вы уже виделись с ней за ланчем.

- Ну... Тогда нас было трое. А я... Если быть откровенной, я решила, что нам с Адой пора объясниться.

- Что-о? Вы решились! Вы посмели!

- А что тут такого? Я люблю вас, почему это нужно скрывать?

Он молчал. И это молчание ее пугало.

- *Продолжайте.*

- *Она очень странная, наша милая Ада, я ждала, что она спросит, любите ли вы меня. Она не спросила. Сказала только, что я не должна чувствовать себя несчастной! Не знаю, как это понимать.*

Он пробормотал сквозь стиснутые зубы: «Силы небесные!» Это напугало ее еще больше.

- *А в чем, собственно, дело? Ада - умница, она не станет устраивать сцены, она поймет - я не претендую на ее место возле вас, у меня может быть другое, только мое место. О, Джон, мы могли бы быть так счастливы! А потом, с годами...*

- *Вижу, вы все обдумали. «С годами» - это когда я состарюсь?*

- *Ну, зачем же так... Впоследствии я могла бы стать для вас обеих любимой дочерью. Ведь у вас нет детей.*

Он молчал. Молчал долго. Потом спросил:

- *Когда вы собираетесь в Париж?*

- *Ну, это зависит не от меня...*

- *Ах да, деньги. Я выпишу вам чек сегодня же... Не трудитесь подтверждать, что деньги получены. Прощайте.*

Она написала ему из Парижа. Письмо начиналось словами: «Дорогой Джон, я так несчастна». Он не ответил.

Развейте мой прах!

В 1929 г. Голсуорси был награжден британским орденом «За заслуги», а в 1932 г. ему была присуждена Нобелевская премия по литературе «за высокое искусство повествования, вершиной которого является «Сага о Форсайтах».

Как отмечал представитель Шведской академии **Андерс Эстерлинг**: «Автор проследил историю своего времени на протяжении трех поколений, и то, что писатель с таким успехом овладел чрезвычайно сложным как по объему, так и по глубине материалом, делает ему честь».

Голсуорси был тяжело болен (опухоль мозга) и на церемонии награждения не присутствовал. 31 января 1933 года, меньше чем через два месяца после вручения ему Нобелевской премии, писатель скончался.

После смерти Голсуорси общество английских писателей просило о погребении его праха в Уголке Поэтов Вестминстерского аббатства, где покоятся литературные знаменитости. Настоятель аббатства не считал возможным поддержать это ходатайство - так напоследок церковь свела счеты с непримиримым противником религии.

И тогда было исполнено пожелание Джона Голсуорси, высказанное им в стихотворении «*Развейте мой прах!*» - на вершине холма, вдали от проезжей дороги, был развеян прах одного из достойнейших людей своего времени.

Аде было суждено пережить мужа. А после того, как и ее не стало, в шкатулке для драгоценностей, которая всегда запиралась на ключ, нашли старый монокль на выцветшей ленте и два любовных стихотворения, принадлежавших перу Джона Голсуорси и адресованных «женщине его жизни».

Литература

Его произведения в фонде библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК:

1. Голсуорси Д. Собр. сочинений, т. 1-12.- Л., 1929;
2. Голсуорси Д. Собр. сочинений, т. 1-16.- М., 1962;
3. Голсуорси Д. Собрание сочинений, т. 1-8.- М., 1983

4. Голсуорси Д. Джослин. Роман, рассказы/пер. А.Кудрявицкого. - М.: Политиздат, 1991.
5. Голсуорси Д. Драмы и комедии, М., 1956.
6. Голсуорси Д. Конец главы. Трилогия. М.: ГИХЛ, 1961.
7. Голсуорси Д. Новеллы.- М., 1957.
8. Голсуорси Д. Сага о Форсайтах, т. 1-2. - М., 1956

Аннотация:

«Сага о Форсайтах» известного английского писателя Дж. Голсуорси (1867 — 1933) — эпопея о судьбах английской буржуазной семьи, представляющей собой реалистическую картину нравов викторианской эпохи. «Белая обезьяна» — история второго поколения семьи Форсайтов, уже преодолевшего предрассудки викторианской эпохи, однако безнадежно запутавшегося в радостном, гедонистическом безумии «новой эпохи»...

Библиография в прямой хронологии выхода произведений в свет:

- «Четыре ветра» (1897)
- «Джослин» (1898)
- «Вилла Рубейн» (1900)
- «Остров фарисеев» (1904)
- «Серебряная шкатулка» (1906)
- «Собственник» (1906)
- «Усадьба» (1907)
- «Братство» (1909)
- «Борьба» (1909)
- «Справедливость» (1910)
- «Патриций» (1911)
- «Пять историй» (1918)
- «В петле» (1920)
- «Сдается внаем» (1921)
- «Современная комедия» (1928)
- «Конец главы» (1933)

О нем:

1. Дюпре К. Джон Голсуорси. - М., 1986
2. Левидова И. М. Джон Голсуорси: Библиографический указатель. М., 1957
3. Макдермотт А. Джон Голсуорси: Скандал в благородном семействе/ Алекс Макдермотт /Караван историй. – 2006.- №6. - Стр. 158-175.
4. Тугушева М. Джон Голсуорси. - М., 1973
5. Тугушева М. Конец главы // Д. Голсуорси. Конец главы. Трилогия. - Л.: Лениздат, 1978. - Стр. 718.